

РИГАС БАЛСС. Среда, 8 мая 1963 г.

На рижской сцене — Николай Симонов

Большого артиста хочется сравнить с шлифовщиком алмазов. Долгие часы раздумий, дни упорной работы, и вот — невзрачный камешек сверкает живым, трепетным светом, словно человек вдохнул в него душу...

Так и с ролью. Словно грани алмаза, появляются в ней все новые и новые черты. И поиск рождает новые интонации. Глядишь, и вылеплен новый характер, и аплодирует взволнованный, благодарный зритель, и поздравляют товарищи.

Но артист знает — работа над образом еще только началась, она принесет еще много радости и разочарований, сомнений и побед.

Богат настоящими, большими талантами театральный Ленинград, но народный артист СССР Николай Симонов стоит в их числе особняком. Есть в его огромном даровании что-то особенное, стихийное, пожалуй, и всепокоряющее.

Сегодня в четвертый раз рижане увидят в роли Матиаса Клаузена народного артиста Н. Симонова в пьесе Г. Гауптмана «Перед заходом солнца». Затаив дыхание, зрители будут следить за тем, как Клаузен пробуждается к новой жизни, как он находит воплощение добра, доверия и беспристрастия в простой девушке Инкен. И буря негодования подымется в груди у каждого, сидящего в зрительном зале, когда он увидит сцены, где дети Клаузена — жадные, циничные, неблагодарные — губят его. На сцене страдает человек... Смотришь на него и чувствуешь, как напряженно пульсирует каждый его нерв. Как глубока трагедия человека, бессильного в своем протесте против окружающего его зла.

За четыре десятилетия работы на сцене Николай Константинович Симонов создал много ярких, незабываемых образов. Среди них — трагически-одиноким, не нашедшим поддержки Борис Годунов, титанически сложный образ Петра I (одноименный фильм), Астров в «Дяде Ване» с его подлинно чеховской, чуткою грустной мечтой о лучшем светлом мире. Глубоко потрясает зрителей Федор Протасов из «Живого труп», неповторимо своеобразен Сатин из горьковского «На дне».

Одна из последних работ Николая Симонова — роль Сальери в «Моцарте и Сальери». Удивительно многогранен этот образ в интерпретации Николая Константиновича. Тщеславие и зависть, признание гения Моцарта и своего ничтожества и, в то же время — жестокость...

Богатство красок, огромнейшая глубина образа присущи работам Н. Симонова. Каждый его герой многогранен и многокрасочен, как сама жизнь.

У Николая Константиновича есть две страсти — книги и живопись. Ведь когда-то в далеком 1918 году, приехав в Петербург из Самары, молодой Симонов мечтал стать художником. Он поступил в Академию художеств, учился у А. Рылова. И только в 1922 году пришел в Институт сценических искусств в класс Л. Вильяма. Стал выдающимся актером, а любовь к живописи сохранилась навсегда. Она, как и страсть к чтению, сопровождает его на жизненном пути, помогает ему и работать, и отдыхать. Труд над новым образом у Н. Симонова всегда связан со скрупулезным изучением многочисленных литературных источников, которые могут хоть чем-нибудь обогатить образ. Артист рисует своего воображаемого героя, делает десятки набросков, эскизов, полотен. Мольберт и палитра — верные помощники артиста.

Гауптмановский спектакль готов давно. Сегодня зрители снова будут горячо аплодировать творению Симонова — потрясающему глубиной и правдивостью образу Клаузена. А в кабинете артиста все еще один за другим появляются новые рисунки его героя. И в каждом новом и новые черточки. Работа над ролью Клаузена продолжается. Она — бесконечна.

А. Володин